

ЗА ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО

В. А. Вазюлин

Проблема соотношения исторического и логического — одна из важнейших проблем диалектической логики. В последние годы эта проблема в целом и отдельные ее аспекты (такие, в частности, как отношение логики истории науки к логике теории науки; место, роль, логический механизм взаимодействия исторических и теоретических знаний в процессе обучения и исследования и т. д.) привлекает к себе все большее внимание. Исключительную пользу для ее всестороннего решения приносит и может принести в дальнейшем обращение к классическим образцам диалектической мысли, которые мы находим в трудах Маркса, Энгельса, Ленина. Их изучение — задача весьма сложная, и ясно, что в этом трудном деле могут быть допущены неточности в решении ряда вопросов даже самым глубоким исследователем. Ниже речь пойдет о некоторых неточностях в трактовке взглядов Маркса и Энгельса на проблему исторического и логического, которые (неточности) влияют в ряде случаев на самую постановку вопроса и приводят к противоречиям.

Общезвестно, что любой труд, любое исследование не могут быть поняты достаточно глубоко, если не принимаются во внимание исторические условия его создания, цели и задачи автора, ибо тогда закрываются двери, ведущие к специфическому содержанию произведения. Между тем, когда речь идет о таких работах, как экономические рукописи 1857—1858 гг. («Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie»), «К критике политической экономии», «Капитал», «Теории прибавочной стоимости», этот методологический принцип не всегда учитывают в полной мере. Отступления от него имеют место в работах как философов, так и экономистов.

Характеристика проблемы исторического и логического в советской литературе опирается главным образом на замечательные рассуждения К. Маркса во введении к рукописям 1857—1858 гг. (раздел «Метод политической экономии») и рецензию Ф. Энгельса на произведение Маркса «К критике политической экономии». Трактовка последних определяет постановку проблемы у философов-марксистов и пути ее дальнейшей разработки. Отсюда ясно, как важно строгое и точное толкование этих работ. Выраженные в них взгляды на рассматриваемый вопрос принято считать тождественными (см., например, работы Б. А. Грушина, Э. В. Ильенкова и др.). Однако, если обратить внимание на контекст упомянутых трудов Маркса и Энгельса, если выявить те различные конкретные цели, которые ставили перед собой великие мыслители, можно будет обнаружить разницу в постановке и освещении ими проблемы исторического и логического. Их взгляды по существу идентичны, ибо они относятся к одной и той же проблеме исторического и логического, но внимание сосредоточено на различных ее сторонах.

Представление о том, что Маркс и Энгельс обращаются к одной и той же стороне проблемы, приводит к неверному заключению о проти-

воречии между взглядами Маркса и взглядами Энгельса по этому вопросу. Обычно это неверное представление проявляется в том, что, не замечая специфики воззрений Маркса, их отождествляют с положениями Энгельса. Это свидетельствует не только о недостаточном понимании контекста «Введения» к рукописям 1857—1858 гг., но и о том, что не выявлены условия применимости воззрений Энгельса. Основная цель Ф. Энгельса состоит в определении главной задачи политико-экономического исследования К. Маркса и способов ее решения. Понимание капиталистической общественно-экономической формации в процессе ее возникновения, развития и гибели предполагало прежде всего воспроизведение *развитых* буржуазных отношений и критику их литературного отражения. «Политическая экономия (речь идет о всей существовавшей к тому времени политико-экономической науке, в том числе и буржуазной. — В. В.) есть теоретический анализ современного буржуазного общества и предполагает поэтому развитые буржуазные отношения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 489).

Следовательно, политэкономия как наука, отражающая экономический строй капиталистического общества, становится возможной лишь тогда, когда возникает современное буржуазное общество, когда уже имеются развитые буржуазные отношения, — без этого нет и науки политэкономии. Зачатки буржуазной экономической науки имеются уже в работах Петти, Буагильбера. Физнократы «в пределах буржуазного кругозора дали анализ *капитала*» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 26, ч. 1, изд. 2-е, стр. 12). А. Смит превратил буржуазную политэкономию в систему экономических знаний. Вершины она достигла в трудах Д. Рикардо. Деятельность названных экономистов относится к разным стадиям развития капитализма. Однако Ф. Энгельс характеризует их с точки зрения, строго определенной задачей рецензии: все они в той или иной мере подвергали исследованию развитые буржуазные отношения и их зародыши. Таким образом, Энгельс в прямом соответствии со своей целью отвлекается от рассмотрения различных стадий развития капитализма, от рассмотрения перехода феодализма в капитализм и принимает во внимание лишь те специфические стороны капитализма, которые сохраняются, воспроизводятся на высшей ступени развития. При этом само возникновение развитых буржуазных отношений и их отражение в политико-экономических трудах предстает в сугубо определенном аспекте: выделяются только те стороны низших стадий капитализма, которые сохраняются, воспроизводятся во всем последующем закономерном его развитии.

Отсюда необходимо вытекает признание полного совпадения исторической и логической последовательности при воспроизведении именно *внутренних, сущностных* отношений процесса развития, ибо сама история изучается лишь с точки зрения того, что сохраняется, воспроизводится на высшей стадии развития; от специфики предшествующих стадий мысль (в общем и целом) отвлекается. Для получения такого мыслительного образа развития капитализма не имеет существенной разницы, будет ли предмет изучаться исторически или логически. Энгельс так и пишет, что историческая форма критики буржуазных отношений и их литературного отражения оказалась бы «в лучшем случае только более популярной» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 497). Следовательно, никакого нового знания, никаких новых закономерностей объекта изучения исторический способ в этих условиях не вскрывает. Логический способ в данном отношении совпадает с историческим. «При этом методе, — пишет Энгельс, — мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами... При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а

действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, ишли свое разрешение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 497—498). «Мы видим, — продолжает на стр. 499 Ф. Энгельс, — что при этом методе логическое развитие вовсе не обязано держаться только в чисто абстрактной области. Наоборот, оно нуждается в исторических иллюстрациях, в постоянном соприкосновении с действительностью». В данном случае логический способ по своей сути одновременно оказывается историческим, а исторический — логическим.

В соответствии с целью рецензии Ф. Энгельс не останавливается подробно на различии исторического и логического способов исследования и изложения, но лишь указывает, что они не тождественны даже в том случае, если процесс развития изучается с точки зрения того, что воспроизводится на его зрелой стадии и если в общем и целом происходит отвлечение от специфики менее развитых стадий. Для исследователя, который руководствуется этой задачей, отличие исторического способа от логического заключается в том, что первый не может освободиться от исторических случайностей, скачков и зигзагов, ибо он следует за хронологией событий и рассматривает их литературные отражения по мере появления последних на свет. Второй же способ отвлекается от исторических случайностей, скачков и зигзагов, рассматривает каждый момент исторического процесса в той точке его развития, где процесс достигает полной зрелости, «своей классической формы» (там же, стр. 497). В силу отвлечения от исторических случайностей и т. п., благодаря возможности взять каждый момент процесса развития в его «полной зрелости» и «в классической форме», исторический процесс предстает перед умственным взором исправленным, но исправленным соответственно его собственным законам развития. Но при том и другом способах воспроизводится в конечном счете процесс развития от простого к сложному. Исследователь, применяющий логический способ, когда принимается во внимание в первую очередь степень обнаружения сущности в явлении, отвлекается от хронологии событий, в противоположность историческому способу, при котором мысль воссоздает законы исторического процесса через хронологическое описание явлений.

Однако означает ли это, что происходит отвлечение от всякой временной последовательности? Видимо, нет. Если временная последовательность обнаружения явлений на поверхности при логическом способе опускается, то не может быть предана забвению временная последовательность внутренней структуры процесса развития от простого к сложному. Причем последняя изучается в этом случае лишь постольку, поскольку она сохраняется, воспроизводится на зрелой стадии развития предмета.

В связи с тем, что в конце 50-х годов XIX в. не существовало истории буржуазного общества, или во всяком случае она находилась еще в зародышевом состоянии и работа по ее созданию представлялась необозримой, Энгельс оставляет в стороне вопрос о новых моментах познания капитализма, которые могут быть получены в результате написания истории буржуазного общества и истории буржуазной политической экономии. Поэтому он лишь указывает, что исторический способ отличается от логического обнаружением исторических случайностей и исторической формы. Все внимание сосредоточено на доказательстве того, что и при отсутствии такой работы исследователь способен вскрыть сущность развития буржуазного производства (в первом приближении)¹. Поэтому

¹ Нельзя не заметить, что завершение работы Маркса по изучению стадий развития капитализма, полное объяснение их специфики произошло после написания рецензии Энгельса. Так, например, в полной мере исторический момент в определении машины был учтен не в 50-х, а в начале 60-х годов прошлого века.

в рецензии Энгельса центр тяжести лежит в выявлении единства логического и исторического способов критики политэкономии. Соответственно, в работах марксистов, посвященных проблеме исторического и логического, исследуется прежде всего *единство* исторического и логического, подчеркивается, что историческое и логическое в общем и целом совпадают, что как история науки (исторический способ), так и теория науки (логический способ) в общем и целом движутся за развитием самого объекта.

Различие теории науки и истории науки исследуется недостаточно, оно обычно лишь отмечается. Различную последовательность движения мысли, например, в истории экономических учений и в экономической теории К. Маркса, как она зафиксирована в «Капитале», сводят к историческим случайностям. Стремление опереться здесь на Энгельса не оправдано, ибо мы видели, что он в рассматриваемой рецензии преследовал строго определенную конкретную цель и потому рассматривал отношение исторического и логического в строго определенном аспекте. Однако это обстоятельство не полностью принимается во внимание. Различие исторического и логического, в том числе историческая форма, фактически сводится к историческим случайностям. При таком подходе остается непонятной необходимость существования собственно исторических наук, специфика их предмета, то новое знание, которое они дают для понимания внутренних законов процесса развития в отличие от теории науки.

Каков познавательный, научный смысл истории науки, помимо того, что она дает то же самое, что теория, только более популярно, в форме проявления необходимости через случайности? Имеет ли история науки какое-то гносеологическое значение, помимо того познавательного эффекта, которое дает знание исторических случайностей, и если да, то какое именно, при условии, что *теория этой науки уже создана*? Возможно ли свести историческую форму только к историческим случайностям, скачкам и зигзагам?

М. М. Розенталь, например, следующим образом характеризует существо соотношения исторического и логического: «Для логического как воспроизведения истории познания (и истории вообще. — В. В.) характерны две важнейшие черты: 1) сжатое сокращенное воспроизведение исторического, очищенное от всего случайного и второстепенного, освобожденное от конкретной исторической формы развития познания; в логическом историческое, так сказать, сконденсировано, переплавлено, преобразовано; 2) логическое воспроизводит историческое на высшей основе, т. е. на основе, достигнутой современным уровнем познания, оно перерабатывает историческое с точки зрения современной, наиболее развитой ступени познания» (М. М. Розенталь. Принципы диалектической логики. М., Соцэкгиз, 1960, стр. 182). Содержание первой черты охватывается очевидным образом формулой: логическое — то же самое, что историческое, но очищенное от всякого рода скачков, зигзагов, случайностей. Раскрывая ее содержание, автор совершенно справедливо указывает, что исторически случайное для внутренних законов данного процесса развития (в этом случае для внутренних законов движения логического познания) может быть необходимым с точки зрения законов развития других процессов: Вторая черта рассматривается в дальнейшем главным образом с той стороны, что «...достигнутая сейчас ступень познания есть та вышка, с которой можно правильно понять закономерности самой истории» (там же, стр. 188). Основные элементы этого взгляда, по-видимому, таковы: в высшей ступени развития сохраняются все необходимые условия и стороны возникновения и существования предмета. Стороны и условия, исчезнувшие на высшей стадии развития, не являются необходимыми, для нее относятся к категории исторически случайного, хотя и могут быть необходимыми с точки зрения других законов.

Э. В. Ильенков в своем весьма цельном исследовании диалектической логики прямо пишет: «...логическое рассмотрение высшей степени развития предмета, уже развившейся системы взаимодействия, выявляет картину, в которой сохраниены все действительно необходимые условия ее возникновения и эволюции и отсутствуют все более или менее случайные, чисто исторические условия ее возникновения» (Э. В. Ильенков. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М., Академиздат, 1960, стр. 195).

В работе Б. А. Грушина «Очерки логики исторического исследования» (М., «Высшая школа», 1961) подробно исследуется единство и различие исторического и логического способов. Сама сущность их понимается своеобразно. Указывается на действие логического способа в условиях неприменимости исторического и, наоборот, на действие исторического в условиях неприменимости логического. В условиях же полной применимости того и другого способов использование каждого из них дает одинаковый результат (это следует из определения конечной цели обоих способов на стр. 176). В таком случае после осуществления теоретического исследования исторический способ применяется с целью проверки результатов логического способа, а также с целью популяризации этих результатов (стр. 206) и потому ничего нового в понимание сущности процесса он не вносит.

Очевидно, что с точки зрения вышеупомянутых авторов историческое рассмотрение не может ничего прибавить для понимания необходимых условий возникновения предмета. Следовательно, для понимания внутренних законов высшей степени развития необходимо обращаться только к ней, отвлечение от специфики предшествующей стадии не скажется существенно на исследовании внутренних законов высшей стадии.

Не случайно многие пособия по истории науки ограничиваются в основном историческими иллюстрациями или дают более или менее точное описание фактов, не показывая четко того нового знания, которое рождается в результате изучения истории науки, не вскрывая самую структуру закономерного развития ее истории. Сказанное относится даже к таким работам, как «Химия и пути ее развития» Б. Н. Мечешуткина (Л., изд. АН СССР, 1937), «История экономических учений» И. Г. Блюмина (М., «Высшая школа», 1961). И. Г. Блюмин, например, как правило, считает достаточным выявить новые положения, содержащиеся в той или иной работе К. Маркса и Ф. Энгельса по сравнению с их предшествующими произведениями, без объяснения причин выдвижения именно этого, а не другого положения, именно в данное, а не в другое время, именно в этой, а не в какой-либо другой форме. Он не указывает на то новое знание, которое дает знакомство с историей политической экономии. Из текста на стр. 59 с очевидностью следует, что автор в понимании проблемы исторического и логического ограничивается формулой: логическое есть историческое, очищенное от исторических случайностей. Он по существу сводит все аспекты проблемы к одному и при этом подчеркивает лишь момент единства исторического и логического. «Энгельс писал, — замечает И. Г. Блюмин, — что с чего начинается история, с того же должен начаться ход мыслей, а его дальнейшее движение будет представлять собою не что иное, как ограждение исторического процесса... Он писал, что Маркс начинает свой анализ с экономической структуры буржуазного общества, с того, с чего начинается история, т. е. с товара».

Но в каких работах Маркс начинает с товара? В «К критике политической экономии» и в «Капитале». В рукописи же 1857—1858 гг. (работа, непосредственно предшествующая названному) Маркс не начинает, а заканчивает ее главой о товаре. Причем эта глава занимает всего полторы страницы. С точки зрения И. Г. Блюмина последовательность рассмотрения капитализма в рукописи может быть только случайной.

если она отличается от последовательности его рассмотрения в «Капитале». Однако, как нам представляется, не все необходимые условия возникновения процесса развития сохраняются в его результате, в высшей стадии его развития. К этому выводу приходит исследователь, если он не сводит все стороны проблемы исторического и логического к аспекту, подчеркнутому Энгельсом в рассмотренной рецензии, и учитывает ту сторону вопроса, которая отмечена Марксом в «Введении» к рукописи 1857—1858 гг. Ход мыслей при изложении окончательных результатов систематического исследования предмета может закономерно отличаться от хода мыслей в процессе исследования. Лишь в изложении окончательных результатов возможно начать с действительной исходной точки развития предмета. В процессе же исследования необходимо начинать с более сложных сторон предмета. К. Маркс пишет по данному поводу: «Они (физиократы. — В. В.) рассматривали проблему в сложной форме, прежде чем разрешили ее в элементарной форме, так же, как историческое развитие всех наук приводит к их действительным исходным пунктам лишь через множество перекрещивающихся и окольных путей» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 43). Из этого, в частности, следует, что метод изложения окончательных результатов (логическое) по своему существу не только совпадает, но и отличается от процесса исследования (исторического). Следовательно, не ко всем условиям применимы приведенные И. Г. Блюминым слова Энгельса.

Но чем объясняется такое несовпадение хода мыслей и хода развития самого предмета? Как оно возникает, при каких условиях? Абсолютизация одной стороны гениальной формулы Энгельса не позволяет автору поставить этот вопрос. На первый взгляд, может показаться, что проблема специфики исторического познания излагается в «Очерках логики исторического исследования» Б. А. Грушина. Однако при более близком знакомстве оказывается, что автор считает отношение «наука—история науки» таким, которое не касается логики исторического исследования, «...поскольку там речь идет не о логике истории, а о истории логики» (Б. А. Грушин. Очерки логики исторического исследования. М., «Высшая школа», 1961, стр. 30). Но правомерно ли неисторически рассматривать логику исторического исследования? Не выступают ли в таком случае некоторые моменты исторического исследования не как развивающиеся, а как неизменные?

Сведение при всех условиях различия между историческим и логическим к историческим случайностям, зигзагам и скачкам дает о себе знать и в смешении истории с ее протекающими во времени качественно своеобразными этапами (см. работу Э. В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса», стр. 193—219).

Неисторический подход к высказываниям классиков марксизма по методологическим вопросам приводит в ряде случаев к противоречиям. Так, Б. А. Грушин в упомянутой книге на стр. 206, говоря об условиях работы К. Маркса над «Капиталом», цитирует известные слова Ф. Энгельса: «...нельзя писать историю политической экономии без истории буржуазного общества, а это сделало бы работу бесконечной, так как отсутствует всякая подготовительная работа. Таким образом, единственно уместным был логический способ рассмотрения» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 498). На странице же 207, характеризуя условия применимости исторического способа, автор пишет: «Приступая к логическому воспроизведению капиталистической системы, а следовательно, к логической критике политической экономии, Маркс — еще до такого исследования и с целью такого исследования — анализирует гигантский материал по истории науки политической экономии. «Теории прибавочной стоимости» исторически предшествуют «Капиталу». Таким образом, с одной стороны, Б. А. Грушин полагает, что К. Маркс, работая

над «Капиталом», не мог писать историю политической экономии и должен был пользоваться логическим способом, как единственно возможным, а с другой, чтобы написать «Капитал» и прежде чем использовать логический способ, К. Маркс должен был исследовать историю политической экономии, т. е. с точки зрения Б. А. Грушина (и в этом мы согласны с ним) применить исторический способ. Следовательно, по мнению автора, создавая «Капитал», Маркс не мог писать историю политической экономии и одновременно, чтобы создать «Капитал», Маркс не мог не написать ее.

Противоречие исчезает, если учесть ряд исторических обстоятельств. Во-первых, слова Ф. Энгельса не относятся непосредственно к «Капиталу». В рецензии на книгу К. Маркса «К критике политической экономии» Ф. Энгельс характеризует исследование буржуазной экономии на основании этой работы, представляющей фактически лишь введение к изложению взглядов К. Маркса на собственно капитал, и на основании главы о капитале из рукописи Маркса 1857—1858 гг. Маркс в этот период предполагал завершить исследование капиталистических экономических отношений, подготовив к печати рукопись главы о капитале. Однако в дальнейшем выяснилось, что для завершения изучения капитала необходим дополнительный гигантский труд, который занял многие годы. После 1859 г. Маркс проделал истинные «бесконечную работу». И именно после написания рецензии Энгельса им было окончательно разработано учение о ступенях развития капитализма (простой кооперации, мануфактуре и особенно машинном производстве), завершено создание учения об абсолютной и относительной прибавочной стоимости и соответствующих исторических периодах буржуазного способа производства, написаны колоссальные «Теории прибавочной стоимости», мыслившиеся в 1859 г. лишь как исторический экскурс к первой теоретической части «Капитала», подобно тем историческим экскурсам, которыми Маркс сопровождал каждую главу «К критике политической экономии».

Обычно, характеризуя проблему исторического и логического, прежде всего основываются на высказываниях К. Маркса о методе политической экономии во «Введении» к рукописям «Grundrisse der Kritik der politischen Oekonomie» и письмах о «Капитале». При этом не отмечают того, что в контексте рассуждений Маркса центр тяжести перемещается на иной, нежели у Энгельса, аспект соотношения исторического и логического, ибо Маркс преследовал в данном случае иную конкретную цель. Отождествление различных аспектов этой проблемы приводит, как мы видели, к противоречиям. Нужно отметить, что Энгельс в рецензии на произведение «К критике политической экономии» характеризует в общей форме противоположность метода Гегеля методу Маркса, но не сравнивает непосредственно взгляды Маркса и Гегеля на историческое и логическое. Исторический и логический способ критики рассматриваются в ней безотносительно к идеалистическому методу Гегеля и к лишенным историзма воззрениям буржуазных политэкономов; рецензия подчеркивает лишь их положительное содержание как способов развития политэкономии.

Иную задачу ставит перед собой Маркс в рассуждении о методе политической экономии. Обосновывая диалектико-материалистический взгляд на процесс восхождения от абстрактного к конкретному, Маркс противопоставляет его, с одной стороны, гегелевскому, с другой стороны, неисторическим, метафизическим методологическим принципам буржуазных политэкономов. С последовательно материалистической точки зрения Маркса, «метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его духовно как конкретное» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, изд. 2-е, стр. 727). Поэтому в процессе восхождения все время имеется в виду реальный субъект (в данном случае развитое бур-

жуазное общество), как предпосылка, как нечто самостоятельное, и происходит переработка созерцания и представлений в понятия» (там же). Гегель же в соответствии с идеалистическими воззрениями полага-гал, что «реальное следует понимать как результат себя в себе синтези-рующего (des sich in sich zusammenfassenden), в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося мышления» (там же).

Отсюда естественно вытекает разница в трактовке вопроса о катего-риях. «Простейшая экономическая категория, — развивает свой взгляд К. Маркс, — например меновая стоимость, предполагает население, — население, производящее в определенных условиях, а также определен-ные формы семьи, общины или государства и т. д. Она не может суще-ствовать иначе, как абстрактное, одностороннее отношение уже данного конкретного живого целого. Напротив, как категория, меновая стоимость ведет допотопное существование» (там же). Для идеалистического со-знания, не принимавшего во внимание ни того, что существует реальный субъект, который должен «постоянно витать в нашем представлении как предпосылка», ни того, что в самом процессе восхождения от абстракт-ного к конкретному продолжается переработка созерцания и представ-лений в понятия, такое ограниченное понимание движения мысли от абстрактного к конкретному служит основанием для утверждения, будто переход сознания от одной категории к другой и есть процесс по-явления самого реального конкретного. В связи с этим Маркс и задает вопрос: «Однако не имело ли место также независимое историческое или естественное существование этих простых категорий до существова-ния более конкретных категорий?» (там же, стр. 728).

Очевидно, что речь идет о том: не существуют ли в самой реальной материальной действительности простые отношения, фиксируемые созна-нием в простых категориях, раньше более конкретных отношений? Ина-че говоря, существуют ли стороны данного конкретного целого до появ-ления этого целого? Поскольку «при развитии экономических категорий нужно постоянно иметь в виду, что как в действительности, так и в голо-ве здесь дан субъект — в данном случае современное буржуазное об-щество, — и что категории выражают поэтому формы бытия, условия существования, часто только отдельные стороны этого определенного об-щества, этого субъекта» (там же, стр. 732), то указанный вопрос прини-мает такую форму: существуют ли отдельные стороны современного буржуазного общества до появления этого общества? Все примеры К. Марксом подобраны именно в этом плане: выясняется возможность существования меновой стоимости, денег и т. п. до капитализма и те из-менения, которые они приобретают с возникновением буржуазного строя. Например, «деньги, — пишет К. Маркс, — могут существовать и исторически существовали раньше капитала, раньше банков, раньше наемного труда и т. д.» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, изд. 2-е, стр. 483). Но если имелись деньги и не было капитала, наемного труда, то не ясно ли, что речь идет о деньгах до появления капиталистического общества. При капитализме деньги становятся отношением, подчинен-ным капиталу, наемному труду и т. д. Между тем у Энгельса рассмат-ривались разные способы воспроизведения именно развитого капитали-стического общества, современниками которого были К. Маркс и Ф. Эн-гельс. У Маркса же проводилось сравнение с добуржуазными и небур-жуазными формами производства.

Маркс подчеркивает связь различных общественных форм в проги-воположность тем буржуазным экономистам, «которые смазывают все исторические различия и во всех общественных формах видят формы буржуазные» (там же, стр. 732), отмечает своеобразие различных обще-ственных форм по отношению к капитализму. С другой стороны, если в лице иных ученых буржуазная экономическая наука не отождествляла свою эпоху с прошлым, то ее критика прежнего, именно — феодального

общества, с которым ей непосредственно приходилось еще бороться, походила на критику, с которой христианство выступало по отношению к язычеству или протестантизм по отношению к католицизму» (там же, стр. 732). Понятно, что здесь Маркс в противовес этому показывает единство буржуазной общественной формы с предыдущими (причем как черту, общую для всякого процесса развития). В противоположность буржуазным экономистам Маркс сравнивает современное ему капиталистическое общество с добуржуазными общественными формами и различия между первым и последним называет историческими. Поэтому историческая последовательность определяется как последовательность смены сторон различных общественных форм в противоположность разделению сторон в развитии буржуазном обществе.

Возвращаясь к приведенному выше примеру, историческая последовательность — переход от денег, как они существовали до капитализма, к деньгам, как они существуют при капитализме. Логическая последовательность есть переход от денег, модифицированных появлением капитала, наемного труда и т. д., к самому капиталу и т. д. Эти два типа переходов и совпадают и не совпадают друг с другом в самой сущности. Или, например, если сравнивается феодализм и капитализм, рассматривается переход феодализма в капитализм, то сначала должна быть изучена феодальная земельная рента, ибо именно она господствует в средневековье, затем возникновение капитала и превращение феодальной земельной ренты в буржуазную. Эту последовательность К. Маркс и называет в данном случае исторической. Если же исследование направляется на развитые буржуазные отношения, на их специфику, то изучение должно быть начато с капитала, как господствующего в буржуазном обществе отношения, и продолжено рассмотрением капиталистической земельной ренты. Такую последовательность, исходя из контекста работы Маркса, в нашей литературе называют логической последовательностью.

Итак, историческое, согласно взгляду К. Маркса, выраженному в введении к рукописям 1857—1858 гг., есть отношение процесса развития, предшествовавшего данному процессу развития к последнему, или переход от одного качества к другому (т. е., в рассматриваемом случае, отношение добуржуазных экономических отношений к буржуазным, что по существу тождественно переходу добуржуазных отношений в буржуазные). Историческая последовательность — последовательность, в которой те или иные стороны играли решающую роль в предшествующем и современном качестве развития (сравнивается данное качество с предшествующим ему качеством, буржуазное общество — с предшествующими общественно-экономическими формациями). Логическая последовательность в таком случае — последовательность субординированных специфических отношений внутри данной зрелой ступени развития, т. е. субординация специфических сторон внутри данного качества (внутри капитализма). В высказываниях К. Маркса об исторической и логической последовательности имеется в виду сущность исторического процесса. Действительно, разве, например, переход от господства земледелия и подчиненного положения промышленности при феодализме к господству промышленности и подчиненному положению земледелия при капитализме, который Маркс называет историческим переходом, есть поверхность процесса развития?

Употребление в данном смысле терминов «историческая и логическая последовательность» необходимо приводит к выводу, что в данном аспекте историческое от логического отличается не только историческими случайностями, зигзагами и скачками, но и необходимыми чертами. Поэтому нельзя абсолютизировать тот аспект проблемы, который выделяется Ф. Энгельсом в соответствии с целями рассмотренной нами рецензии, и отождествлять этот аспект со всей проблемой в целом.

К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривают одну и ту же *единую* проблему, но с разных сторон.

В самой сущности процесса развития имеет место закономерное единство и различие между переходом от старого качества к новому и уже созревшим новым качеством, между переходом к новому и самим новым. Поэтому и последовательность рассмотрения сторон первого не только имеет необходимое единство с последовательностью рассмотрения сторон второго, но и закономерные (а не случайные) различия. Переход, возникновение — переход от чего-то к чему-то, он не сводится лишь к тому, что формируется. Поскольку же старое качество имеет свою специфическую и необходимую взаимосвязь внутренних сторон, а новое качество — иную, свою специфическую и необходимую взаимосвязь этих сторон, то переход от старого качества к новому означает перестройку специфических и необходимых взаимосвязей старого качества. Очевидно, что рассматриваемое так возникновение нового качества должно включать в себя и специфические закономерности старого качества. Последовательность рассмотрения возникновения нового качества будет с необходимостью отличаться от последовательности рассмотрения сторон зрелого нового качества. Возникновение капитализма — переход от специфических законов феодализма к специфическим законам капитализма. Во взаимоотношениях сторон уже возникшего капитализма не сохраняются специфические законы феодализма. Таким образом, из контекста работы К. Маркса вытекает формула: логическое отличается от исторического не только историческими случайностями, но и особыми закономерностями.

Эта формула при единстве взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на сущность отношения исторического и логического свидетельствует о том, что Энгельс, отвлекаясь в своей рецензии от рассмотрения исторической формы, однако, не приравнивал ее к случайностям, нарушающим ход исторического процесса. Такая интерпретация взглядов классиков марксизма направляет внимание на специфические закономерности истории науки, процесса исследования, которые затем исчезают в теории науки, в результате исследования, но без которых были бы невозможны ни эта теория, ни этот результат и которые необходимы для понимания самой сущности теории.

Знакомство с литературой, трактующей проблему исторического и логического, позволяет заметить, что все авторы ставят ее фактически как отношение *результатов* исследования к развитию действительного предмета. Это не случайно, ибо сравнивается движение мысли только в «К критике политической экономии» и «Капитале» с развитием капиталистических отношений. Однако, если не исследуются рукописи К. Маркса в целом (а не только введение к рукописям 1857—1858 гг.), то метод исследования предстает лишь в своем результате, ускользает отличие способа исследования от способа изложения. Как известно, в «К критике политической экономии» и «Капитале» К. Маркс подводит итог многолетним исследованиям, излагает достигнутые результаты. Отсюда не следует, конечно, что изучение этих работ ничего не дает для понимания способа исследования Маркса. Этот способ сохраняется в них, но в «снятом» виде. От него остается то, что ему обще со способом изложения результатов исследования и исчезает то, что отличает его от изложения. А ведь сам К. Маркс не отождествлял их: «...способ изложения, — писал он, — не может по форме (мы переводим слово «formell» не в значении «формальный», а в другом его смысле: «по форме») не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того, как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 23, стр. 21).

Способ изложения и способ исследования в самой своей сущности не только едины, но и различны. Выше в другой связи приводились слова К. Маркса о необходимости для всех наук в их историческом развитии решать вопрос в сложной форме, прежде нежели они решили его в элементарном виде. Но этот закономерный этап исследования исчезает в изложении окончательных результатов, которое начинается с действительного «исходного пункта» развития предмета. Именно различие способа исследования от способа изложения отсутствует в «К критике политической экономии» и «Капитале», ибо они есть завершение исследования.

В нашей литературе проблема исторического и логического ставится лишь как вопрос об отношении именно и только тех сторон процесса исследования, которые сохраняются в процессе изложения, к развитию исследуемого материального предмета, вещи, процесса. Но ведь реальный процесс исследования никогда не совершается лишь в том виде, какой он приобретает в процессе изложения готовых результатов. Такая постановка проблемы с самого начала оказывается препятствием к изучению особенностей исследовательской работы К. Маркса и Ф. Энгельса до того ее этапа, когда стало возможным в полной мере изобразить действительное движение предмета исследования. Описанные выше неточности в постановке проблемы исторического и логического в известной мере влияют на направление и степень ее разработки, а также и на характер изучения комплекса связанных с ней вопросов. Ибо, если способ изложения (результат, логическое) есть способ исследования (процесс, историческое), только очищенный от случайных шагов исследования, то изучение специфики исследования по отношению к изложению в трудах и рукописях Маркса, предшествовавших «К критике политической экономии» и «Капиталу», не может вызвать серьезного интереса.

Но если отличие исторического (способ исследования) от логического (способ изложения) и логического от исторического составляют не только исторические случайности, то возможно понимание исследования как процесса, имеющего по отношению к процессу изложения и общие, и специфические закономерности.

Кафедра истории марксистско-ленинской философии философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова